

В тот миг, когда Моисей Гуппи закрыл глаза, если бы не быстрая реакция Линя, его бы, пожалуй, вышвырнуло из этого почти разрушенного сновидения.

Переходить туда и обратно было слишком просто — и потому слишком рискованно. Чтобы снять напряжение, Линь попытался подумать о чём-нибудь весёлом, но расслабиться так и не смог.

Потому что теперь он оказался... в левом глазу верховного инквизитора.

Линь:

— ...

Для него в нынешнем состоянии было достаточно, чтобы два зеркальных отражения могли видеть друг друга — тогда он мог перескочить между ними. Наверное. Может быть.

Эту способность он разработал прошлой ночью, когда пытался войти в это сновидение: тогда он увидел себя в глазах Яркитогги.

Войдя в глаза наставницы, он, как и много раз прежде, увидел в темноте бесчисленные светящиеся зеркальные осколки. Среди множества несчётных зеркал ему пришлось сосредоточиться до предела, чтобы по звуку прилива определить направление и прыгнуть из глаза в зеркальную поверхность, созданную льдом во сне.

Сегодня он сделал то же самое. Но риск был слишком велик: на миг он перестал различать, откуда звучит прибор. Если бы юный тёмный бог тогда ошибся зеркалом — вышло бы глупо.

В ходе поисков он заметил: по сравнению с блужданием в темноте среди множества отражений, если в реальности существуют зеркала, отражающие друг друга, — перепрыгнуть из одного в другое куда легче.

Вот и теперь — сперва он прыгнул из глаз Моисея в осколок льда, дрожащий вместе с пляжем, но это «землетрясение» не давало ощущения безопасности. Пусть в текущем состоянии его не смог бы убить даже верховный инквизитор — Линь по инерции совершил ещё один прыжок.

«У-у-уа-а! Это же верховный инквизитор!»

Он замер — крошечная фигурка, меньше зубочистки, на глазу инквизитора.

Линь почувствовал, как зеркальная поверхность немного расширилась. Или, точнее сказать, — как верховный инквизитор слегка распахнул глаза, заметив его.

— Прощу прощения, — сразу извинился Линь и прыгнул на прицел снайперской винтовки, откуда отразил себя на заострённые ледяные скалы позади инквизитора.

Стоило его отражению появиться на ледяной поверхности, как из десятков орудий за спиной Фельдграу одна винтовка поднялась невидимой рукой. Ствол развернулся и нацелился на Линя.

Линь чуть не вскинул руки, но в этом мире поднятые руки не означали капитуляцию.

Так что он остался неподвижен, стараясь всей позой подчеркнуть свою безвредность.

Верховный инквизитор не выстрелил — вероятно, помня, как трудно было справиться с Линем в прошлый раз. Сейчас всё его внимание было сосредоточено на Деве Серебряной Луны, и он не мог тратить силы на какого-то демона.

Когда Фельдграу понял, что святые пули в мире снов не могут причинить вреда проекции Девы Серебряной Луны, он прекратил стрельбу. Эта редкая ситуация, когда атака не приносила результата, будто погрузила его в раздумья.

Под прицелом Линь тоже задумался. Он поднял глаза к небу, где, словно струящийся шёлк, текли морские волны, и оценивал возможный исход.

Положение казалось скверным.

Они находились в проигрышной ситуации.

Моисей временно усмирил рвущийся к битве скелет Мелодии Раковины, но это лишь выиграло немного времени. Ведь даже если кости Мелодии Раковины не были полностью раздроблены, Дева Серебряной Луны всё равно могла, испивая морскую воду, медленно впитывать силу богини снов.

Линь хотел что-то предпринять. Он ведь вошёл в этот сон вовсе не из благородных побуждений.

Моисей когда-то сказал ему: «Если теперь она избрала тебя — это даже хорошо». Перед входом в сон он также молился: «Позволь убить того, кто осмелился покуситься на эту область».

Как наследник Мелодии Раковины, этот апостол богини снов ясно дал Линю понять, чего от него ожидали.

Линь не собирался уступать. Он уже шёл по этому пути. Если боги пожирали друг друга, то он не мог себе позволить оставаться безмятежной закуской.

Он не стремился к злу, но обязан был стать сильнее — чтобы понять тайну мира... и причину своего переселения.

Линь решительно прыгнул обратно — на ледяной осколок рядом с Моисеем.

Синеволосый русал не прекратил пение. Он был весь погружён в песню, будто не замечая ничего вокруг, но Линь знал — Моисей его слышал.

— «Мистер Моисей, — начал Линь, — скажи, как умерла Мелодия Раковины?»

Вопрос был дерзким. С учётом вспыльчивого нрава Моисея, он вполне мог бы прервать песню, вскочить и разбить лёд, на котором стоял Линь, а после при каждой встрече язвительно напоминать об этом.

Но на деле Моисей лишь продолжил петь — ничего не говоря.

— «На нас напала Дева Серебряной Луны, — наконец ответил он мысленно, — мы с трудом спаслись. Когда я подумал, что опасность миновала... она покончила с собой».

Линь моргнул.

Он не знал, как описать чувство, охватившее его после этих слов. Юный тёмный бог помолчал немного, потом лишь тихо сказал:

— «Спасибо».

После этого он поднял взгляд вверх.

Он собирался прыгнуть на гигантскую зеркальную гладь, созданную струящейся водой.

Так он неизбежно раскрыл бы себя перед Девой Серебряной Луны.

Но выбора не было — пришло время рискнуть.

Линь приготовился к прыжку, и в тот же миг Фельдграу тоже двинулся.

Линь остановился и издали увидел, как тот вынул из снайперской винтовки святую пулю и вставил новую — с чёрным наконечником и белой гильзой, доселе невиданную.

«Что это за пуля?»

Каким бы ни был её эффект, в нынешней ситуации даже верховному инквизитору вряд ли стоило дальше атаковать.

Линь задумался, но решил подождать. Если Фельдграу промахнётся и попадёт в него — толку будет мало. Или он сам мог бы помешать выстрелу.

Юный тёмный бог увидел, как верховный инквизитор поднял снайперскую винтовку. Почему-то на этот раз процесс прицеливания занял куда больше времени, чем прежде.

К тому же угол, под которым был направлен ствол, имел едва заметное расхождение с положением Девы Серебряной Луны.

Когда Линь, не выдержав, попытался мысленно просчитать угол прицеливания за верховного инквизитора, вдруг — казалось, застывший в неподвижности Фельдграу выстрелил.

По сравнению с предыдущими выстрелами святыми пулями, этот не сопровождался ни световым следом, ни вспыхнувшими на стволе письменами Близнецов Диссонанса. Казалось, это был просто обычный выстрел.

Линь даже не смог увидеть, во что попала пуля, но заметил, как Дева Серебряной Луны резко прекратила пить морскую воду. Более того, вода, окутывавшая её, словно начала рассеиваться.

«Что это было?..»

Линь ещё больше растерялся. В этот момент Дева Серебряной Луны впервые заговорила.

Не жеманно, как раньше, а спокойно; её голос разлился, словно лунный свет.

— Близнецы Диссонанса, выходит, наделили тебя даже такой силой — поражать невидимое при помощи зримого. Восхитительно. Даже канал, по которому течёт сила, ты сумел разрушить... Как ты увидел этот канал? Какая острота зрения! Я готова преклониться перед тобой.

Она улыбнулась Фельдграу.

Её искривлённый рот, полный острых зубов, был ужасен, но, когда она изогнула губы в улыбке, извращённая, неестественная красота притянула все взгляды.

Не то чтобы она стала красивее — скорее, сама красота приняла её облик.

Она спросила Фельдграу:

— Можно я тебя поцелую?

У Линя дёрнулся уголок губ.

С тех пор как он увидел лунное сияние за облаками, Линь выработал для себя набор «стоп-слов» — чтобы больше не поддаваться искушению и не потерять рассудок.

Поэтому на сей раз он, с трудом отведя глаза, не позволял себе смотреть.

Но когда он услышал слова Девы Серебряной Луны, то не удержался и обеспокоенно взглянул на верховного инквизитора.

— Такие фокусы, — невозмутимо ответил Фельдграу, — бесполезны перед любовью.

«Вау. Как же круто прозвучало. Пойдите... что он сказал?»

Хрупкое самообладание Линя рассыпалось в тот же миг. Он невольно начал перебирать в голове их немногочисленные, но запомнившиеся встречи, пытаясь понять — кто же его та самая «любовь»?

«Это же сенсация! Почему я ничего об этом не слышал?!»

Через секунду он всё же одёрнул себя, отогнав праздные мысли. Сейчас у него появился шанс.

Канал, по которому Дева Серебряной Луны черпала силу богини снов, был разрушен выстрелом верховного инквизитора. Между ней и Фельдграу повисло напряжение. А над ними всё ещё плавала вода, обвивавшая серебряный лик луны и образующая гигантское зеркало, отражая почти весь этот сон.

«Если я упущу такой хороший момент — то мне тогда будет лучше уволиться из Инквизиции и найти спокойную работу».

Линь прыгнул на колеблющуюся зеркальную поверхность.

В водяном потоке возник гигантский размытый силуэт юноши с ясными серебристыми глазами. Он смотрел сверху вниз на всё ещё плачущий скелет Мелодии Раковины.

Линь изо всех сил старался не оборачиваться — не встречаться с внезапно обратившимся к нему взором Девы Серебряной Луны. Затем он принял облик гигантского скелета.

Точно так же, как несколько дней назад юный тёмный бог превратился в отражение

Кристабель Померан и запечатал её страх...

Он протянул руку к «самому себе», ища заключённую в костях Мелодии Раковины остаточную силу богини снов.

<http://bllate.org/book/12612/1119992>